

День рождения Брежнева

Я не могу сказать, что у моего отца были странности. Наоборот, он был человеком деловым, практичным, работал главным инженером проекта в большом институте с длинным названием, строил тракторные заводы по всей стране. Тем не менее, время от времени он совершал поступки, которые иначе чем странными не назовешь. Зачем он это делал? Не знаю. Пока отец был жив, мне не приходило в голову спросить, а теперь поздно. Может быть, ему не хватало адреналина. А может быть, им двигало любопытство. Похоже, он не мог устоять перед искушением закинуть удочку в тихий омут и увидеть, что за черта он вытащит на этот раз. Ему, конечно, везло, что черти попадались не очень злобные.

В то спокойное субботнее утро отец оторвал листок календаря и увидел, что сегодня день рождения Брежнева. После завтрака он оделся потеплее (на дворе стоял декабрь), пошел на почту и отправил по адресу — МОСКВА, КРЕМЛЬ, ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС — телеграмму следующего содержания: ДОРОГОЙ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ ДВТ ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ТЧК ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ И ДАЛЬНЕЙШЕЙ ПЛОДОТВОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЛАГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ТЧК. Подписался полными именем и фамилией, Марк Абрамович Быков, и заполнил адрес отправителя в самом низу бланка. Телеграмму в конце концов приняли, правда, после того как начальник отделения сверила паспортные данные.

Во вторник отца вызвал парторг института, человек, по общему мнению, не подлый. Работали они вместе много лет и относились друг к другу хорошо.

— Отправлял телеграмму?

— Отправлял, — подтвердил отец.

— Ты что, с Брежневым знаком?

— Естественно, нет. Был бы знаком — что бы я здесь делал?

— Ну, как дети малые, — возмутился парторг. — Леонид Ильич человек занятой. Представь, что все отправили бы ему телеграммы. Он что, их прочитать сможет?

— Не отправили бы, — возразил отец, — не все относятся к Леониду Ильичу правильно. Некоторые даже анекдоты рассказывают. А остальные пожалели бы два рубля на телеграмму. А я не пожалел.

— Ладно, — не стал спорить парторг, — дело не в этом. Завтра утром поедешь в райком. С тобой будет беседовать инструктор отдела идеологии. Пропуск тебе заказан, — и добавил когда отец был уже в дверях: — Пожалуйста, не выноси сор из избы.

Инструктор райкома сначала показался отцу человеком милым и внимательным. Долго расспрашивал о здоровье, семье, квартирных условиях, отношениях с начальством. Затем перешел к телеграмме и стал редкостным занудой. Раз за разом, немного меняя формулировку вопросов, он пытался выведать, каким боком отец знаком с Брежневым. Похоже, ему казалось, что отец темнит. А когда разговор зашел в тупик, с той же дотошностью стал вытягивать, зачем было посылать телеграмму. Отец настаивал на изначальной версии:

— Увидел в календаре, захотелось поздравить — и поздравил. Что здесь непонятного?

— Но с днем рождения обычно поздравляют родственников, друзей, людей близких, — объяснял инструктор свои жизненные понятия.

— А Леонид Ильич и есть близкий человек. Я его вижу чаще, чем моих сестер. По телевизору, конечно, но разница небольшая. Когда я вижу сестер, они тоже говорят, а я молчу.

Отцу показалось, что этот ответ очень не понравился. Тем не менее, на прощание инструктор предложил воспользоваться райкомовским буфетом и попросил не выносить сор из избы, если дело пойдет наверх.

На работе отец появился уже после обеда с авоськой, полной пакетов, которые источали нездешние ароматы. Только уселся за свой стол — сразу зазвонил отдельский телефон. Отец взял трубку и услышал командирский и в то же время елейный голос начальника первого отдела:

— Марк Абрамович, зайти ко мне, тут один человек с тобой поговорить хочет.

Отец зашел. Желаящим поговорить оказался майор госбезопасности с незапоминающимися именем и фамилией. Заглядывая в бумажку и делая пометки, он скрупулезно прошелся по отцовской биографии. Потом положил на стол чистый лист.

— Марк Абрамович, пожалуйста, напишите, когда и при каких обстоятельствах вы встречались с Брежневым.

— Я уже сегодня в райкоме вспоминал, но так и не вспомнил. Теперь, боюсь, тоже не получится.

— Да вы не нервничайте, — вполне миролюбиво сказал майор, — когда вспомните, позвоните нам. А если не вспомните, тоже можете позвонить.

Услышите, что кто-то порочит советскую власть или анекдоты нехорошие рассказывает, — и позвоните.

— Ничего из этого не выйдет. Я не справлюсь.

— Как это не справитесь? Столько людей прекрасно справляются, а вы не справитесь!

— Дело в том, — попытался объяснить отец, — что на трезвую голову никто такие разговоры не ведет, а я, если выпью, то на следующий день даже не помню, с кем пил, а о чем беседовали, и подавно.

Отец говорил чистую правду. У него была необычная реакция на алкоголь. После какой-то по счету рюмки он мгновенно и полностью отключался и напроочь забывал все события прошедшего дня. Эта рюмка могла быть и десятой, и первой. Поэтому он старался не пить, а на случай, когда отказать было невозможно, разработал хитроумную систему подмены спиртного неспиртным.

— Марк Абрамович, — в голосе майора появились суровые нотки, — вы не представляете, сколько людей хотят помогать нам совершенно добровольно. Не всем мы оказываем такое доверие, как вам. А вы отказываетесь. Не забывайте, что у вас первая форма допуска по секретности. Заберем — и вы просто не сможете выполнять свои служебные обязанности. Подумайте хорошенько, одним словом.

Я до сих пор помню, каким расстроенным пришел отец домой в тот вечер. Повинился перед матерью. Не успела она начать его пилить, как звонил телефон. Звонивший представился инструктором обкома партии и сказал, что ждет отца завтра в десять утра на проходной. Я думаю, что родители в эту ночь так и не смогли уснуть.

На следующее утро отец поехал в обком. На проходной его встретили и передавали с рук на руки, пока он не оказался в гигантском кабинете первого секретаря. Первый поздоровался с отцом за руку и сразу перешел к делу.

— Не будем терять время. Я уже знаю, что вы никогда не встречались с Леонидом Ильичом. Есть только маленькая нестыковка в том, что Леонид Ильич не только встречался с вами, но и прекрасно помнит вас. Вот послушайте.

Первый нажал на какую-то кнопку, и отец услышал знакомый до боли голос Брежнева:

— Кто прислал? Быков, Марк Абрамович, говоришь? Есть такой, я его по Кишиневу помню. Еврей с русской фамилией. Грамотный товарищ и белянскую грамотно употребляет. Я его перепил, но с большим

трудом, на грани, можно сказать. И как это? Киш мерин тухес? Смотри, не забыл!

Потом первый взял со стола лист бумаги и продолжил:

— А вот справка, которую я получил из КГБ. Из нее следует, что в то время, как Леонид Ильич был первым секретарем ЦК Молдавии, вы были главным инженером проекта Кишиневского тракторного завода и регулярно ездили туда в командировки.

И тут отец вспомнил! Как с конвейера завода сошел первый трактор, как приехали гости из ЦК. После митинга в заводской столовой был банкет, а потом узким кругом поехали на какую-то большую дачу с парной и бассейном. Отца, конечно, прихватили по ошибке, но в провинциальной Молдавии, где тракторный был самым большим заводом, случалось всякое. Вспомнил и симпатичного мужика с густыми широкими бровями, с которым они трепались почти до утра, когда остальные сошли с дистанции. Вспомнил, как выпили на брудершафт. В какой-то момент новый друг заподозрил, что отец мухлюет, и стал ему наливать сам. После пятой рюмки отец отключился. Очнулся он только в гостинице, и последним, что помнил, был сходящий с конвейера трактор.

Пораженный внезапным прозрением, отец немедленно поделился воспоминаниями с первым. Тот слушал с открытым ртом. Он же прервал наступившую тишину:

— Есть мнение, что товарищ Брежнев может пригласить вас в гости. Если пригласит, с деталями вас ознакомят позже. Хочу только предупредить, что не стоит выносить сор из избы, — первый вдруг задумался. — Марк Абрамович, между прочим, что это за тухес такой? Может, вы знаете? Никак разобраться не можем.

Отец незаметно вздохнул. Ненормативную лексику он не любил и пользовался ею крайне редко.

— Тухес — по-еврейски жопа.

— Жопа?! — удивился первый. — А при чем тогда к жопе мерин?

— Не "мерин", а "мир ин". Леонид Ильич попросил научить его еврейским ругательствам. Больше всего ему понравилось "киш мир ин тухес". Переводится как "поцелуй меня в жопу".

— А что, действительно хорошо звучит! Нужно запомнить. Может, пригодится?! — первый явно пришел в хорошее настроение и с удовольствием повторил: — Киш мир ин тухес. Правильно?

— Отлично. У вас получается не хуже, чем у Леонида Ильича, — отец снова вздохнул.

— Марк Абрамович, а о чем еще кроме тухеса говорили, если не секрет?

— Если память меня не обманывает, о заводе, о прекрасных дамах, о том что вокруг сплошной бардак...

— Да, бардака хватает... — согласился первый и вроде даже хотел продолжить, но спохватился: — Марк Абрамович, может быть, вам чем-то нужно помочь?

— Наверное, нужно. Меня вчера товарищ майор пообещал допуска лишить.

— Ну, это пусть вас беспокоит меньше всего. Вы теперь номенклатура лично Леонида Ильича. Без него вас никто и никогда не тронет.

Распрощались. Секретарь вручила отцу два приглашения на обкомовскую базу. Там за полцены отец купил себе финский костюм и голландские туфли, а мама французскую шубу из искусственного меха. В Москву отца так и не пригласили...

Нью-Йорк

